

Издание И. П. Носова

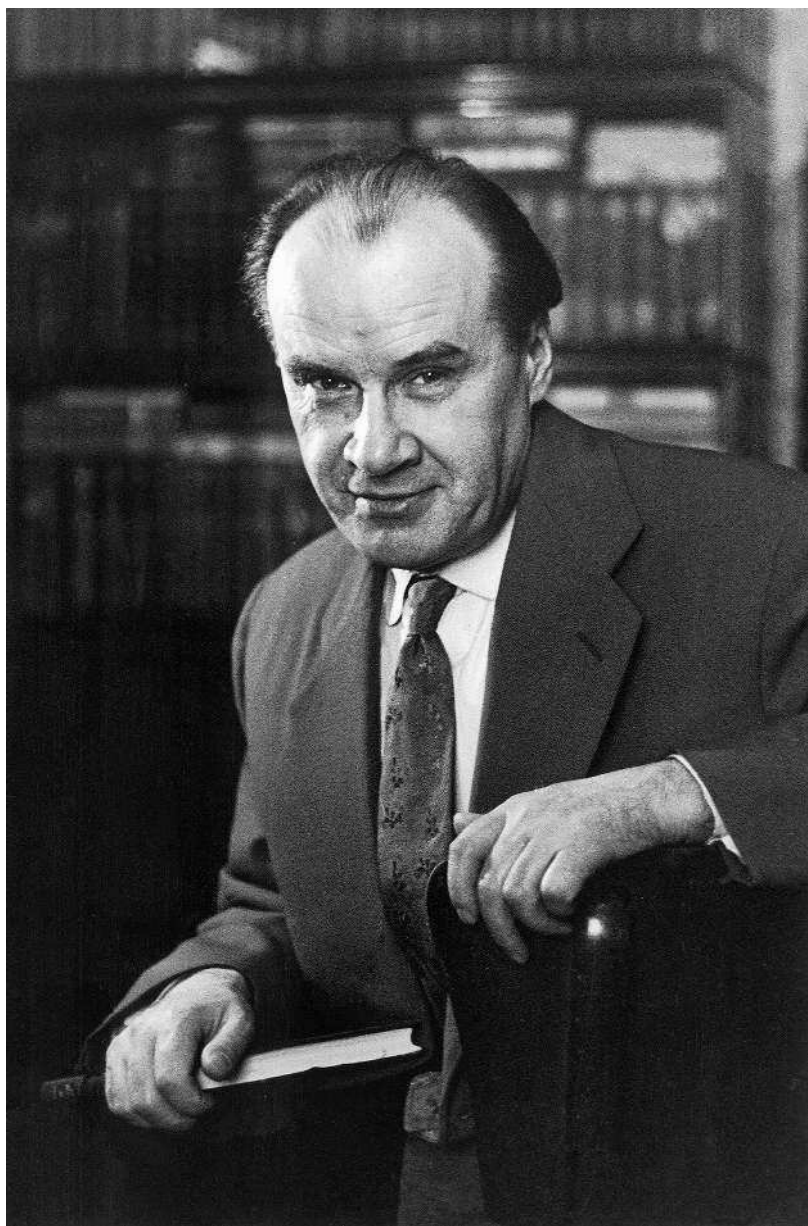
Николай Носов

БОЛЬШАЯ КНИГА

стихов
сказок
рассказов
повестей
романов
пьес

«МАЛЫШ»

2018

G. Horov

Николай Носов

О себе и своей работе

Мне часто приходится слышать вопрос:

— Скажите, пожалуйста, как получилось, что вы стали детским писателем?

Вопрос, заданный в такой форме («как получилось»), сам по себе говорит, что спрашивающий уже что-то обо мне знает, ну хотя бы то, что на писателя я никогда не учился. Литературного института не кончал и работал совсем в другой области.

Услышав это «как получилось», я невольно вспоминаю одного своего знакомого паренька. Когда ему случится назначить (то есть сделать не то, что нужно, либо не сделать того, что от него требовалось) и его спрашивают:

— Что же это ты натворил? Почему так сделал?

Он отвечает:

— Ну, понимаешь, так вышло.

И это звучит у него как-то убедительно, даже доказательно. Ведь в жизни часто так случается, когда мы, желая сделать одно, делаем что-то совсем другое. В такой ситуации слова «так вышло» воспринимаются не только как оправдание, но и как вполне приемлемое объяснение своих поступков.

Вот и мне на заданный вопрос обычно хочется развести этак руками и сказать:

— Да, понимаете, как-то так вышло... В школьные годы мечтал стать музыкантом (кем-то вроде Паганини, по меньшей мере), потом забросил скрипку, увлёкся химией и вполне серьёзно готовился к поступлению на химический факультет Политехнического института; перед самым поступлением передумал и вместо Политехнического поступил в Художественный институт. Окончил же Институт кинематографии, потом работал в кино, потом стал детским писателем.

И это далеко не полный список моих колебаний или шараханий, как их любят называть некоторые педагоги. Ответить на вопрос, как получилось, что я стал писателем, всё же можно. Мне хотелось какой-то значительной деятельности, а деятельность писателя представлялась мне значительной, важной для людей, для общества. Я, однако ж, не мог осуществить своего желания писать, потому что у меня не было своей темы (это я понимаю теперь, а тогда — не понимал). Тема эта появилась сама собой, когда я, выражаясь фигурально, попал в волшебную страну детства. Случилось же это тогда, когда и стал отцом и увидел детство не в тумане далёкого прошлого (с чем, казалось, уже распростился окончательно и навсегда), а в непосредственной близости. Признаюсь, волшебная эта страна удивила меня, а творчество, как сказал один умный художник, начинается с удивления. Я увидел в ребенке то, чего не замечал раньше и чего, мне казалось, не замечали и другие. Отсюда — желание показать увиденное мною другим, желание писать о детях и для детей.

Мои маленькие читатели часто спрашивают меня, как я пишу свои рассказы: «из жизни» или выдумываю «из головы». Детишкам обязательно хочется знать, правда ли то, что в книжках написано, можно ли этому верить, или это какой-то неизвестно для чего существующий вымысел, о котором они уже что-то слыхали. Обычно я отвечаю, что поступаю и так и этак: частично пишу «из жизни», частич-

но выдумываю «из головы»; и привожу какой-нибудь случай из своей практики.

Вот, к примеру, рассказ «Огурцы». Что здесь из жизни?

Однажды мой племянник (ему тогда и пяти лет не было) гулял во дворе. Когда ему это наскучило, он выбежал за ворота и принялся путешествовать по площади, разглядывая по пути всё, что на глаза попадалось, в том числе и витрины магазинов. Очутившись позади овощной палатки, он увидел стоявший у двери открытый бочонок с солёными огурцами. Запустив в бочонок одну руку, потом другую, он вытащил из рассола парочку огурцов покрупнее и понёс их домой. Он знал, что мать иногда покупает солёные огурцы к обеду, и воображал, что делает нужное дело. Наверно, думал, приду домой, а мама скажет: «Вот молодец! Мамин помощничек! Огурцов принёс!» — и был страшно удивлён, когда мать отчитала его и заставила отнести огурцы обратно.

Вот всё, что у меня было, и мне кажется, что этого вполне достаточно, чтобы написать рассказ. Здесь были: и какое-то интригующее начало, и цепь вытекающих друг из друга событий, и вполне логичный конец — иными словами, и завязка, и развитие с кульминацией, и развязка. Хотя я и не был свидетелем случившегося, но при небольшом усилии воображения легко мог представить себе, как всё происходило. Вот, к примеру, я написал выше, что герой рассказа запустил в бочку сначала одну руку, потом другую. Уверен, что так и было, потому что взять в одну руку два огурца он никак не мог: в ту пору ручки у него были совсем крошечные, огурцы же были довольно большие и к тому же скользкие от рассола. Он так и явился домой, держа их перед собой в руках (в каждой руке по огурцу).

После некоторых размышлений я всё же решил описать этот случай так, будто огурцы были похищены не из бочки, а с огорода. Наиболее распространённый, можно сказать, типичный случай — это когда ребяташки соблазняются

чем-нибудь чужим, растущим в саду или на огороде, то есть тем, что находится на виду, как бы для общего пользования. Для этого мне пришлось переменить место действия, а так как я хотел показать, что герою моему приходится преодолевать не только чувство стыда, неловкости, но и чувство страха (когда он относил огурцы), то я решил поместить огород подальше от дома. Поскольку же маленький мальчик не мог один попасть на огород далеко от дома, мне пришлось придумать ему товарища постарше. Продащицу палатки, которая, впрочем, не принимала участия в этом деле, пришлось заменить сторожем, с которым у маленького похитителя должен был состояться, как я задумал ещё в самом начале, разговор.

Чего я не знал, приступая к своему рассказу? Я не знал, что происходило в душе ребенка, который, возможно, впервые попал в подобного рода жизненную передрыгу, то есть я не знал его чувств, мыслей, переживаний (это же относится и к другим персонажам). Об этом я должен был догадаться, а догадавшись, показать с наиболее достижимой яркостью, то есть найти внешние эквиваленты внутренним переживаниям и мыслям героев, или, говоря иначе, показать мысли и чувства, воплотившиеся в действия, поступки, слова.

К примеру. Я хотел написать, что Котька (так я назвал героя) впервые понял, что надо быть честным, правдивым, что брать чужое нехорошо, обманывать стыдно... ну и так далее, но тут же ощутил, что это было бы неконкретно, ненаглядно, а главное, недоказательно, недостоверно, следовательно — фальшиво. На самом деле, где тут доказательство, что герой именно так думал, так чувствовал? Читатель сразу уловил бы, что здесь писательский произвол, и, учуяв неправду, потерял бы доверие к произведению, а вместе с ним и интерес к чтению.

Меня, однако, осенила счастливая (как я полагаю) мысль: надо сделать так, чтобы Котька съел по дороге хотя

бы один огурец. В этом случае возникает острая конфликтная ситуация: он должен отдать похищенные огурцы (даже сам хочет), но не может это осуществить, по крайней мере полностью, до конца, поскольку съеденного огурца уже никак не достанешь из живота обратно.

Теперь, когда Котька, вернувшись на огород, выложил из карманов украденные огурцы и старичок сторож спрашивает: «Ну все, что ли?», он отвечает: «Все», — и тут же добавляет: «Нет, не все... Одного не хватает... Я один огурец съел... Что теперь будет?»

Само утверждение, что огурцы «все» и тут же «не все», наглядно показывает замешательство, борьбу чувств, происходящую в сознании ребенка, а признание, что один огурец съеден, свидетельствует, что полученный от жизни урок запал в душу, и герой уже считает недостойным пятнать свою честь новым враньём.

По одной такой картинке, выполненной как бы с натуры, читатель легко догадывается о том, что происходит в душе героя, то есть в области его чувств. Читаемое же на языке чувств нет надобности переводить на язык слов — всё равно перевод будет груб и неточен.

В дальнейшем выдумка со съеденным огурцом продолжает работать, когда герой, убедившись, что его поступок не будет иметь неприятных последствий для сторожа, уходит, но вдруг останавливается и уже издали кричит: «Дедушка, а этот огурец, что я съел, как будет считаться — украл я его или нет?» И эта картинка, я уверен, лучше всяких рассуждений убеждает читателя в том, что герой рассказа всё понял и для него теперь безразлично, будут его считать вором или нет. Наглядность, картинность (так называемая живопись словом) выступает здесь в качестве достоверности. Читатель в этом случае представляет себе героя как бы вживе, может даже подивиться ему: вот, дескать, какие мысли лезут ребенку иной раз в голову! Ну, а то, о чём хотел сказать этой картинкой автор (её

смысловая сторона), усваивается читателем как бы попутно, как бы помимо его участия, хотя в действительности она есть не что иное, как продукт деятельности самого читателя, его творческого восприятия произведения (сотворчество); и в то же время — истинная цель писателя, который пишет свои картинки отнюдь не для того, чтобы занять, развлечь ими кого-нибудь.

Вымышленная ситуация со съеденным огурцом послужила мне для того, чтобы показать внутренний мир героя, его мысли, чувства, переживания, становление его характера, в чём, собственно, и заключался мой писательский замысел. Художественный вымысел, таким образом, служит для наиболее полного раскрытия замысла произведения, для выявления его идеи.

Нечего и говорить, что художественный вымысел не должен идти вразрез с жизненной правдой. Если в рассказе было изображено не то, что в действительности, что явилось поводом для написания произведения, то, во всяком случае, то, что вполне могло быть. В той обстановке, которую я выбрал для рассказа, мальчик вполне мог съесть огурец. Ведь действие происходит в поле, вдали от дома, после длительного пребывания на реке, огурцы к тому же не соленые, а свежие, притом их не два, а десяток или полтора десятка, на свежем же воздухе всегда разыгрывается аппетит. Какой же мальчишка удержится, чтобы не съесть в подобной ситуации огурец? Поскольку же огурец был съеден, вполне возможны были и тревожения из-за него и все разговоры со стариком, которых на самом-то деле и не было, как не было и самого старика.

Читатель вправе спросить: значит ли это, что для того, чтобы написать рассказ, достаточно взять какой-нибудь жизненный случай и описать его, дополнив вымыслом? Это не вполне верно по двум причинам.

С одной стороны, не всякий жизненный случай годится как основа для рассказа. Случай с огурцами я выбрал пото-

му, что он указал мне что-то новое, на чём я не фиксировал раньше внимания, а именно на то, что у малышей ещё не развито или недостаточно развито чувство уважения к чужой собственности. А чувство уважения к чужой собственности — это чувство уважения к чужому труду. Что было бы, если бы каждый из нас не старался трудиться, а только норовил хватать сделанное другим? Никакая общественная жизнь, никакое человеческое развитие не были бы возможны. Обычно сама жизнь, само общество воспитывает в людях это необходимое качество. То, что пережил прототип моего героя, то, что он перечувствовал, было для него полезно. Он вынес из этого случая какой-то жизненный урок для себя. Я полагал, что читатель тоже вынес для себя какой-то урок, если, читая этот рассказ, будет переживать те же чувства, что и герой. В таком случае для него чтение не будет простой забавой. С другой стороны, художественный вымысел существует не для дополнения повествования какими-то недостающими деталями. Художественный вымысел — это скорее средство в руках писателя, его писательский метод проникновения в жизненный материал.

Приведённый пример с огурцами не характерен для демонстрации роли вымысла в создании произведения. Я выбрал его лишь с целью показать, что такое вымысел вообще. В данном случае имевшийся в моём распоряжении жизненный материал давал как бы готовую канву для написания рассказа. Таким образом, канва или конструкция рассказа, его драматургия или сюжет содержались в самом жизненном материале и не являлись результатом вымысла. Это, однако ж, не обязательно. Часто бывает иначе.

Однажды я шёл по улице. Навстречу мне попался маленький мальчик. Поравнявшись со мной, он вытянул неожиданно руку вперед. Раздался выстрел. От испуга я вздрогнул и только тут разглядел у мальчишки в руках игрушечный пистолет. Мне бы остановиться и отругать шалуна, но первой моей мыслью было — не показать, что

я испугался. Короче, я ничего не сказал, а потом и забыл об этом случае.

Прошло несколько дней, может быть, недель. Однажды утром, когда я ещё спал, зазвонил звонок. Жена пошла открыть дверь. Оказалось, звонил милиционер. В подвале дома лопнула газовая труба. Милиционер спускался в подвал и поцарапал руку. Ему нужен был йод, чтобы остановить кровотечение. Когда жена рассказала мне об этом, я почему-то подумал, что она испугалась, должно быть, когда, отворив дверь, увидела перед собой милиционера (от милиционера мы обычно не ждём никаких радостей). По какой-то прихоти воображения мне начал представляться маленький шаловливый мальчишка. Он чего-то набедокурил и теперь боится, что за ним придёт милиционер... Что же он мог натворить? Мне тут же пришёл на память случай с пистолетом. Ага, догадался я, наверно, на улице стрелял из пистолета и напугал кого-нибудь... Кого же он мог напугать? Мужчину или женщину? Нет, мужчину он, пожалуй, не стал бы пугать. Лучше, пожалуй, женщину, а ещё лучше — старушку. Старушки, они не очень прытки на ноги, от них нетрудно и удрать. Испуганная старушка не стала гоняться за Сашкой (так я на этот раз окрестил героя), а отругала его и пообещала пожаловаться в милицию. Высказав эту угрозу, она скрывается в переулке, где, как известно Сашке, находится отделение милиции. Теперь у героя, как говорится, душа не на месте. К стрельбе из пистолета сразу пропала охота. Даже и во дворе-то гулять больше не хочется. Он возвращается домой, а тут старшие сёстры (кстати, это они подарили ему пистолет) сразу замечают, что с ним что-то неладно. Из расспросов выясняется, что Сашка, гуляя на улице, «напугал бабку какую-то», каковая бабка пошла на него жаловаться в милицию. Желая проучить шалунишку, сёстры в шутку страшат его милиционером и тем усиливают тревогу. Поскольку милиционер всё же не появляется, Сашка успокаивается и сно-

ва собирается поиграть с пистолетом, но тут выясняется, что он его потерял. Где? Скорее всего, во дворе или на улице. В растрёпанных чувствах Сашка снова бежит на улицу и неожиданно видит милиционера, который выходит из переулка (как раз из того, в котором скрылась перепуганная бабка). В панике Сашка мчится обратно домой и сообщает сёстрам: милиционер идёт. Сёстры видят, что он в смятении, смеются и говорят, что милиционер, должно быть, идёт в другое место. Чувствуя поддержку, Сашка начинает храбриться и даже заявляет, что не боится милиционера. Но как раз в это время звонит звонок. Сёстры бегут открыть дверь, а вконец перепуганный Сашка прячется под диваном. Из разговора сестёр с милиционером становится ясно, что он идёт в другую квартиру. Сашка успокаивается. Дальше, однако, выясняется, что милиционеру зачем-то нужен мальчик Саша, и герой наш снова трепещет. Сёстры приглашают милиционера в квартиру, но, увидев, что братишка спрятался, и испугавшись за него, сочиняют, что его нет дома. Незадачливый наш герой в это время чихает, чем выдаёт своё присутствие. Растерявшиеся сестры уверяют милиционера, что чихнула собака, которая привыкла спать под диваном. Дотошный милиционер интересуется, что за собака, какой породы, как звать и т. п., после чего заглядывает под диван и обнаруживает, какого рода там «зверь». Происходит разговор. Сашка признаётся, что не хотел напугать бабушку, а только «хотел попробовать, испугается она или нет», милиционер же возвращает по принадлежности пистолет, на ручке которого Сашка написал свое имя.

Я изложил здесь все перипетии, чтобы показать, сколько в данном случае пришлось на долю вымысла в одной лишь конструкции рассказа. Кроме не имевшего никакого продолжения случая с пистолетом на улице и какой-то общей мысли, что неожиданный приход милиционера в дом обычно пугает, у меня от жизни ровным счётом ничего не было взято.

Мне кажется заслуживающим внимания тот факт, что толчком для написания рассказа послужил не случай с пистолетом, лёгший в основу сюжета, а мысль о пугающем виде милиционера. Именно эта мысль заставила работать мое воображение в направлении исследования переживаний героя, испытывающего чувство страха, что в конечном счете и оформилось в виде замысла рассказа, который я сформулировал бы в следующем виде: читателю, который, может быть, на манер героя, тоже способен испытывать удовольствие, наблюдая, как пугаются другие, полезно узнать, как бывает мучительно самому подвергаться действию страха.

А кто же не способен испытывать своеобразное удовольствие, наблюдая, как пугаются другие? Когда нам самим не страшно, мы не прочь посмеяться над кем-нибудь, испытавшим испуг (если, конечно, причина не очень серьёзная), в то время как, окажись мы сами на месте испугавшегося человека, нам было б не до смеха. Излишняя пугливость, трусливость принадлежит к осмеиваемым недостаткам именно потому, что от них следует избавляться. Однако ж, одно дело — смеяться над испугавшимся, другое — пугать самому, а на это способны не только шаловливые ребята, но и некоторые не особенно большого ума взрослые (именно те, кто не успел избавиться от этого недостатка в детском возрасте).

Ситуации, в которые попадает герой рассказа в приведённом мной примере, характеризуют его, как маленького, наивного, доверчивого ребенка, но притом очень любознательного. Свою естественную, инстинктивную любознательность он направляет на исследование разных проблем, таких, например, как: испугается ли на улице бабка, если выстрелить неожиданно у неё над ухом из пистолета. Без сомнения, за подобного рода любознательность его частенько пугали милиционером, так что в конце концов милиционер стал для него чем-то вроде допотоп-

ного чудища, от которого можно найти спасение лишь под диваном. Таким образом, и ситуации, в которые попадает Сашка, продиктованы самим складом его характера. Эти же ситуации, будучи изображены, характеризуют его, дают представление о его характере, о его чувствах, мыслях, переживаниях, о его внутреннем мире, недоступном для непосредственного наблюдения.

Первоначальный жизненный материал, в виде случайно подмеченного факта, брошенной кем-то фразы, прочитанной в газете заметки, может послужить для писателя толчком для написания рассказа, повести, даже романа.

К примеру, замысел повести «Витя Малеев в школе и дома» возник у меня после случайно услышанного разговора двух учительниц, одна из которых сказала: «Кто отстаёт, тот всегда будет отставать, сколько его ни подтягивай. Он только привыкает, чтобы его тянули».

Разговор шёл об отстающем ученике, которого ей, очевидно, надоело подтягивать. Такой антипедагогический взгляд, высказанный к тому же учительницей, как-то задел меня. Мысль неотвязно вертелась вокруг услышанных слов. Да разве плохой ученик плохо учится потому, что ему хочется плохо учиться? Чаще всего это происходит оттого, что у него что-то не ладится, где-то запущено, нет собранности, нет усидчивости, настойчивости в достижении цели... Мне ярко представился такой ученик, у которого нет-нет да и появляется желание, даже решимость взяться за дело и начать «новую жизнь», да вся беда в том, что решимость держится у него чаще всего не более одного дня. Мне захотелось показать ребятам, чего им не хватает в характере, потому что этого не хватает не только двоечнику, чтобы учиться хотя бы на твёрдую тройку, но и четвёрочнику, чтобы стать круглым отличником, и, к слову сказать, тому же круглому отличнику, если все его достижения держатся на том, что его не выпускают дома из-под контроля родители.